

комунікативна компетенція. Засвоюючи навчальний матеріал, творчо мислять, фантазують, залучаються до пошукової діяльності. Поєднання навчальної роботи з постійним нарощуванням обсягів прочитаного сприяє вихованню уважного, допитливого, чутливого читача, людини, для якої читання є життєвою потребою [3].

Список літератури

1. Дичківська І. М. Інноваційні педагогічні технології : навч. посіб. К.: Академвидав, 2004. 351 с.
2. Півнюк Н. Читання як проблема державного рівня. *Всесвітня література в середніх навчальних закладах*. 2010. №3. С. 10–13
3. Твердоступ А. Шляхи підвищення ефективності уроків української літератури. *Українська мова й література*. 2011. №9. С. 47–51.

УДК 141.42:123.1

Литвиненко Д. А., к.и.н., преподаватель высшей категории

Кременчугский лётный колледж Харьковского национального университета внутренних дел, г. Кременчуг, Украина

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ ПЛЕХАНОВА

Целью исследования является анализ взглядов на проблему свободы человека Георгия Валентиновича Плеханова (1856-1918) – первого пропагандиста, теоретика и популяризатора марксизма в России. У Плеханова буквально десятки страниц в разных работах посвящено вопросу соотношения свободы и необходимости. Из них можно сделать вывод, что Плеханов, видимо, считал этот вопрос уже философией разрешённым. Так, он писал: «Гегель окончательно разрешил антиномию между свободой и необходимостью. Он показал, что мы свободны лишь постольку, поскольку познаём законы природы и общественно-исторического развития и поскольку мы, подчиняясь им, опираемся на них. Это было величайшее приобретение как в области философии, так и в области общественной науки, – приобретение, которым в полном объёме воспользовался, однако, только современный, диалектический материализм» [1, с. 442]. Вероятно, поэтому Плеханов не стремился что-то к этому добавить, повторяя, что «свобода – познанная необходимость». Зато акцент его разъяснений связки «свобода – необходимость» был направлен именно на *необходимость*.

Плеханов, опираясь на немецких идеалистов-диалектиков, так трактует появление необходимости в обществе. Люди сознательно ставят и осуществляют свои цели. Каждый индивид имеет свои частные интересы. Исходя из них, каждый совершает сознательные поступки (Плеханов их называет «свободными»). Но из массы свободных поступков вытекают неожиданные для людей последствия, непредвиденные ими. И таким образом из области свободы мы переходим в область необходимости. А дальше

изменённый «свободными» действиями «необходимый» общественный строй порождает новые индивидуальные цели. Из области необходимости мы опять переходим в область свободы [2, с. 656].

Плеханов отождествляет свободные действия людей с осознанными, сознательными, с теми, результаты которых совпадают с ожидаемыми. Отсюда же делается противопоставление: необходимость – это то, что делается вопреки нашему сознанию, помимо него, вытекает как некий непредвиденный «остаток» всех наших сознательных действий, побочный результат, несовпадающий с запланированными целями. Плеханов соглашается с Шеллингом, что «необходимость, в её противоположности свободе, есть именно бессознательное». Соглашается с Шеллингом и в том, что важнейшей проблемой философии является вопрос: «что ведёт к тому, что рука об руку с тем, как мы действуем совершенно свободно, то есть с полным сознанием, в нас в форме чего-то бессознательного возникает нечто такое, чего у нас и в помыслах никогда не было и что не могло бы получиться в том случае, если бы нашей свободе был предоставлен полный простор» [4, с. 415]. Он приводит цитату Гегеля: «Во всемирной истории благодаря действию людей вообще получаются ещё и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется ещё и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» [1, с. 594].

В таком же духе пишет и сам Плеханов: «Люди сознательно преследуют свои частные, личные цели. Каждый из них сознательно стремится, положим, к окружению своего состояния, а из совокупности их отдельных действий выходят известные общественные результаты, которых они, может быть, совсем не желали, и, наверное, не предвидели. Зажиточные римские граждане скупали землю бедных земледельцев... Но кто из них предвидел, что латифундии погубят республику, а с нею и Италию?» [1, с. 445].

Уделив основное внимание обоснованию действия в истории общества необходимости, Плеханов доказывает, что сама необходимость является той почвой, на которой только и возможна свобода. Он пишет, что необходимость – «единственная твёрдая основа, единственная прочная гарантия, неизбежное условие человеческой свободы» [1, с. 637]. Возражая против анархического противопоставления свободы и необходимости, Плеханов утверждает, что в действительности нет никакой антиномии между этими понятиями. Необходимость не только не исключает свободы, но и является её предпосылкой. Свобода невозможна без необходимости. «Если я в своих действиях должен считаться только со свободою других людей, я не в состоянии *предвидеть последствий своих действий*» (а мы уже отмечали, что свобода, по Плеханову, это совпадение результатов с целями). «Самый точный мой расчёт в любой момент может быть нарушен чужой свободой и поэтому из моих действий может получиться совсем не тот результат, какой я предвидел. Следовательно, у меня не будет никакой свободы, моя жизнь будет подвержена

случайности. Я смогу быть уверенным в последствиях моих действий лишь в том случае, когда смогу предвидеть действия моих близких, а чтобы я мог их предвидеть, нужно, чтобы они были подчинены каким-нибудь законам, т.е. нужно, чтобы они были *необходимы*» [2, с. 654].

В то же время, действуя необходимым образом, люди могут сохранять полную свободу своих действий. Каким же образом это совмещается? Плеханов идёт в обосновании этого в русле позиции Шеллинга. Необходимое действие – это действие, которое данный индивид не может не произвести в определённых условиях. Невозможность не совершить это действие обуславливается *природой* этого человека, созданной его наследственностью и предшествующим развитием. Природа этого человека такова, что он не может не испытывать определённых «хотений». И в этом плане понятие *свободы* примиряется с понятием *необходимости*. Я *свободен*, когда могу действовать так, *как я хочу*. И моё свободное действие в то же время необходимо, потому что моё «хотение» обусловлено моей природой и данными обстоятельствами. Следовательно, необходимость – та же свобода, но рассматриваемая с другой стороны [2, с. 655]. Здесь надо заметить, что Плеханов критиковал механицизм французских материалистов, у которых «шальной атом» в мозгу правителя вёл к фаталистическим последствиям в истории. Но непонятно, чем же лучше этого «наследственная природа человека» и независящие от него обстоятельства, которые так же однозначно детерминируют «хотение» человека. Получается, что «я хочу» – зависит не от меня, а заранее обусловлено.

В этой связи необходимо сказать, что, вероятно, от Плеханова, как крупного авторитета в марксистской философии, пошла существующая в марксизме традиция слияния вопроса о свободе вообще с вопросом *свободы воли* в частности. Последний он не выделяет в особую важную проблему. Сам анализ его высказываний убеждает в том, что он прочно стоял на позициях материалистического детерминизма в решении вопроса свободы воли (кроме последнего есть ещё детерминизм психический, логический, теологический). И вот эта позиция по большому счёту исключает свободу воли человека, хотя автор и делает постоянно оговорки насчёт её наличия. Он критикует фатализм французских материалистов. Но сам, расширяя сферу «материального» за счёт социальных процессов, Плеханов в конце концов усугубляет фатализм до бесконечных пределов. Переведя историческую необходимость немецких идеалистов на материалистический лад, Плеханов объявил свободу воли людей практически непричастной к магистральной линии развития человечества. Историческое развитие человечества не есть продукт свободной воли человека. Он пишет: «Разумеется, ни люди вообще, ни великие исторические деятели в частности, не лишены *воли*; но их воля в каждом своём будто бы совершенном самоопределении всецело подчиняется *необходимости*» [3, с. 166]. Как видим, здесь напрочь отрицается свобода воли, на что указывает слово «*всецело*». Непонятно, что же остаётся на долю «Я» исторического деятеля, если его «хотение», стремление предопределяется необходимостью, скрытой в недрах общественных процессов.

Таким образом, в работах виднейшего теоретика марксизма Плеханова вопрос о свободе и о свободе воли свёлся к их отождествлению с необходимостью. Позиция детерминиста вела к пониманию свободы воли лишь как простого следствия этой необходимости. Дело человека – познать необходимость, свобода растворялась в познании необходимости. Самой «воли», «хотения» и не было как чего-то самодовлеющего.

Список литературы

1. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. М.: Госуд. Изд-во полит. литературы, 1956. Т.1. 848 с.
2. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. М.: Госуд. Изд-во полит. литературы, 1956. Т.2. 824 с.
3. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. М.: Госуд. Изд-во полит. литературы, 1958. Т.5. 904 с.
4. Левицкий С. А. Трагедия свободы. М.: Канон, 1995. 512 с.

УДК 321.74:316.624.2

Матета О. А., к.п.н., доцент

*Кременчуцький льотний коледж Харківського національного університету
внутрішніх справ, м. Кременчук, Україна*

**ЕТНОКУЛЬТУРНА ІДЕНТИЧНІСТЬ У КОНТЕКСТІ ГЛОБАЛЬНИХ
ЗМІН**

З початку ХХ ст. світ зазнав радикальних політичних, економічних, соціокультурних змін, зміст і наслідки яких виражає термін «глобалізація». У найширшому значенні глобалізацію розуміють як об'єктивний соціокультурний процес, що призводить до безprecedентного зв'язку і взаємозалежності регіональних культур, національних економік, політичних і соціальних систем, навколошнього середовища. «У цьому світі локальні культури і ідентичності втрачають своє коріння і замінюються символами товарного світу, взятими з рекламного і іміджевого дизайну мультинаціональних концернів. Буття стає дизайном – причому суцільно» [1, с. 82]. Так зазначав У. Бек, описуючи процес культурної глобалізації. З одного боку, світ «спрошується», так якувесь спектр можливих реакцій людини починає зводитися до певного набору символів універсальної культури, з іншого боку, універсалізація в розумінні уніфікації стилів життя, символів культури і транснаціональних норм поведінки сприяє викривленню особливого, самобутнього, специфічного. Якщо дослухатися до даної позиції, то можна припустити, що людина, живучи в такому світі, за визначенням стає маргіналом, засвоюючи зразки різних локальних культур, не зупиняючись на якісь із них конкретно.

Проте глобалізація не заперечує різноманітності суспільств і культур. Зростання соціокультурних змін, що мають інтеграційну, уніфікуючу домінанту, супроводжується процесами диференціації, які саме її підтримують етнокультурне розмаїття світу. У ситуації глобалізації співіснують одночасно